

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ. Фридрих II Гогенцоллерн и Иосиф II Габсбург

Автор: Ю. Е. ИВОНИН

Ивонин Юрий Евгеньевич - доктор исторических наук, профессор Смоленского государственного университета.

Прусский король Фридрих II (1712 - 1786) и император Священной Римской империи или, как ее теперь чаще называют, Старой империи Иосиф II (1741 - 1790) являются, пожалуй, не только самыми примечательными монархами и политиками германского мира эпохи Просвещения, но и одними из самых ярких представителей "просвещенного абсолютизма" и одними из самых интересных и значительных политических деятелей XVIII в. в Европе. Часто употреблявшееся по отношению к ним, особенно по отношению к Фридриху II, определение "просвещенный монарх" непременно в кавычках должно было наталкивать читателя на мысль о том, что просветительские идеи являлись только прикрытием для "феодальной" в сущности политики обоих монархов. Но, во-первых, абсолютистские государи во все время существования "старого порядка", т. е. абсолютизма, не были полностью свободными в своей политике, ибо зависели во многом от интересов дворянства, династий, родственников монархов, наконец, от придворных партий, во-вторых, многие идеи и замыслы монархов эпохи "просвещенного абсолютизма" наталкивались на отсутствие объективных условий для их осуществления. Идеология Просвещения и реальная жизнь часто расходились друг с другом.

Кроме того, объективной оценке Фридриха II и Иосифа II часто мешали сложившиеся стереотипы, в основе которых лежали представления о первом как о наиболее крупном носителе духа "пруссачества" и германского национализма, отчего и выработалась своего рода легенда об этом короле как основателе линии Фридрих II - Бисмарк - Гитлер, а о втором как об угнетателе народов, живших во владениях австрийских Габсбургов. После второй мировой войны конную статую Фридриха II на Унтер-ден-Линден в Берлине перенесли в Потсдам, где она находилась до начала 1981 года. Эта статуя не без усилий геббельсовской пропаганды долгое время представляла собой не только символ "пруссачества", но и германской агрессии в Восточной Европе, "Дранг нах Остен", поскольку действительно была поставлена лицом на восток. По прошествии ряда лет произошла реабилитация Фридриха II в официальной идеологии ГДР, и статую короля, и в самом деле никогда не бывшего германским националистом, вернули на прежнее место.

В конце 1918 г. бюсты и статуи Иосифа II сбивали со зданий и сносили с пьедесталов после ликвидации власти австрийских императоров в Чехии

стр. 49

как символы ненавистной "немецкости" и удушения национальной свободы. Правда, теперь начинают говорить о том, что с разрушением Австрийской империи,

называвшейся с 1867 г. Австро-Венгрией, исчез "общий рынок", связывавший между собой земли Дунайской монархии, особенно Австрию, Чехию и Венгрию ¹. В оценках Иосифа II начали появляться и в этих странах признаки спокойного объективного подхода. Что же, прошло много времени, страсти улеглись, и оба монарха могут сегодня предстать в истинном свете со всеми своими достоинствами и недостатками.

В общественном мнении предшествующих веков Фридрих II получил неоднозначные оценки. Вообще его характер, как заметил К. О. фон Аретин, был слишком многослойным и сложным, чтобы судить об этом короле в черно-белом измерении. В нем сочетались чувствительность с силой воли, склонность к рациональному планированию со спонтанными решениями. Он воодушевлял генералов и солдат, умел говорить с простым народом, играя роль заботливого и рачительного "земельного отца" ². Одних его собственных высказываний с лихвой хватит для совершенно противоположных мнений. Если исходить из его фразы "солдат должен бояться палки капрала больше, чем пули врага", то перед нами предстает деспот и солдафон, все военное искусство которого сводилось к нагнетанию страха перед начальством и созданию культа тупой исполнительности. Но были и другие его высказывания, например, "на гербе Пруссии должна быть изображена обезьяна, ибо Пруссия лишь подражает великим державам, сама не будучи таковой". Где уж тут солдафонство и "пруссский дух", а тем более германский национализм? Хотя это вообще бесперспективное дело судить о человеке, тем более крупном политическом деятеле, по его отдельным высказываниям. Даже если их собрать вместе, они очень часто могут оказаться противоречивыми и не стать основой для объективной и взвешенной характеристики.

Личность Фридриха II как известно подвергалась разного рода историческим спекуляциям. Он был ненавистен не только австрийцам и ортодоксальному духовенству - одним из-за ослабления Австрии, другим из-за вольнодумства и безразличия к религии. Со времени создания Германской империи в начале 70-х гг. XIX в. он стал ненавистен демократам и социалистам как родоначальник духа "пруссачества" и объединения Германии с помощью завоеваний, хотя в первой половине того же столетия немецкие либералы называли Фридриха II "августейшим революционером". Но со времен "железного канцлера" Бисмарка, объединителя Германии "сверху", благодаря официальной пропаганде Фридрих стал как для консерваторов, так и для либералов не просто основателем великой прусской державы, но и провозвестником объединения Германии под прусским началом. Консерваторы в Германии любили ссылаться на прусские традиции, имея в виду Пруссию времен Фридриха II.

Недавно в нашей стране были изданы весьма апологетическая и поверхностная биография Фридриха II, написанная в середине XIX в. известным русским театральным деятелем Ф. Кони, и сборник статей "Англия и Европа" столпа вигской историографии Т. Б. Маколея, одна из которых содержит критическую оценку прусского короля. По вполне понятным причинам английские либералы XIX в. вряд ли могли с восторгом оценивать не только Пруссию времен Фридриха II, но и происходившее у них на глазах объединение Германии под эгидой Пруссии. Характеризуя Фридриха II, Маколей отмечал восхищение прусского короля французской культурой и особенно его преклонение перед гением Вольтера, положительно оценивал строгий порядок и защиту собственности в Пруссии, введенную при этом короле свободу печати. Вместе с тем он порицал политический

цинизм прусского короля³. Довольно много работ вышло в последние десятилетия, особенно к 200-летию со дня смерти Фридриха II. Достаточно упомянуть весьма объемистые, но не содержащие ничего принципиально нового книги Р. Аугштейна, К. Дуффи, Р. Аспрея, а также статьи известного немецкого специалиста по истории XVIII в. И. Куниша⁴. Возвращаясь немного назад, необходимо

стр. 50

отметить использование национал-социалистами фигуры Фридриха II как духовного прототипа Гитлера во времена третьего рейха⁵.

Заметим, что как в кайзеровской Германии, так и при нацистском режиме сознательно забывалось, что Фридрих II был поклонником не немецкой, а французской культуры, своего рода "вольтерьянцем" на королевском троне. Он вел трудовую и в чем-то аскетическую жизнь, спал на железной койке, резко сократил расходы на содержание королевского двора и даже самому себе положил жалование как "слуге государства", любил литературу и музыку, но не любил пышных праздников и предпочитал придворному обществу круг своих близких друзей из числа французских ученых-просветителей, прежде всего Вольтера и Мопертюи (геолог и историк). Он делил с солдатами тяготы военных походов, ел с ними из одного котла, всегда называл их "дети мои", что вполне соответствовало характерному для германских государств того времени образу государя как "земельного отца", заботящегося о подданных как о своих чадах. Ходивший часто в несвежем белье, в пропахших от употреблявшегося им нюхательного табака камзоле и кафтане маленький, сухонький, особенно к старости, человек, отпускавший едкие замечания, очевидно, не вызывал восхищения и не соответствовал образу венценосного монарха в духе Людовика XIV.

Пруссия, как выразился Т. Шидер, была страной противоречий. И эти противоречия отразились уже в самом воспитании Фридриха II и, конечно, в формировании характера короля и его становлении как государственного деятеля. Воспитание и образование он получил довольно своеобразные. Его отец король Фридрих Вильгельм I не любил придворных празднеств, а науки и светскую утонченность считал вредными. Его идеалом был непрерывный труд, любовь к которому он внушил своему старшему сыну Фридриху. Единственными средствами для укрепления государства он полагал бережливость в расходах на управление и двор, а также необходимость содержания сильного войска. Исполнительность и прилежание он доводил порой до абсурда, что нередко служило предметом насмешек при многих европейских дворах. Своего наследника Фридрих Вильгельм I старался воспитывать в том же духе. Фридрих Вильгельм I любил муштру, особенно в армии, а лучшими развлечениями считал охоту и заседания в так называемой "табачной коллегии" за кружкой пива и курением. Ортодоксальный лютеранин, он старался и сына сделать последователем лютеранства. Но тот не придерживался лютеранского вероучения, а скорее использовал кальвинистское понимание тезиса о предопределении как оружие против деспотичного отца. Как бы то ни было, именно способность сопротивляться тирании отца не дала тому возможность сломить личность наследного принца. Французские книги выбрасывались, любимая флейта была сломана, король собственноручно бил сына, но тем самым только усиливал его

упорство. Принц приобрел редкое самообладание и умение скрывать свои чувства⁶.

Несмотря на суровое воспитание со стороны отца, детские и юношеские годы Фридриха II прошли под сильным влиянием французской культуры и французского языка, которому его учили французские кальвинисты мадам Вакуль и месье Дюган, нашедшие в Пруссии убежище после отмены Людовиком XIV Нантского эдикта. Любовь к французской культуре и французскому языку Фридрих II пронес через всю свою жизнь. По-французски он говорил и писал лучше, чем по-немецки. Его "Политические завещания" и подавляющее большинство писем из политической корреспонденции написаны на французском языке. А вот латынь он не изучал, так как этого не захотел суровый протестант Фридрих Вильгельм. Кстати, основы христианского вероучения излагались юному принцу с таким педантизмом, что он, которого в качестве наказания заставляли выучивать наизусть псалмы и целые главы катехизиса, отнюдь не возлюбил религию и вообще относился к ней с большим безразличием, если не с тайной нелюбовью. Поэтому он любил устраивать домашние концерты, на которых с большим удовольствием и воодушевлением играл на флейте вплоть до самых преклонных лет.

стр. 51

Но главным пунктом в воспитании наследника Фридрих Вильгельм I считал военное дело. Маленького Фридриха нарядили в мундир, возили на смотры и маневры, обучали стрельбе и т.д. Пруссия еще во времена курфюрста Фридриха Вильгельма I (1640 - 1688), которого нередко именуют Великим курфюрстом, стала по сути дела государством, сохранившим и расширившим владения с помощью оружия, и отец Фридриха II стремился прежде всего научить сына военному искусству, дабы тот сочетал в одном лице монарха и полководца. Недаром официальными воспитателями кронпринца стали вскоре генерал и полковник. Но грубость отца, узость его интересов и постоянные военные упражнения вызывали раздражение наследника, вследствие чего отношения с королем обострились. Несомненно все же, что конфликт между Фридрихом Вильгельмом I и наследным принцем был скорее не политическим, а конфликтом поколений, несмотря на то, что политический цинизм и аморализм Фридрих II унаследовал от отца именно в годы своей "горькой юности". Фридрих даже попытался при помощи своего друга лейтенанта Катте бежать из Пруссии, но эта попытка провалилась. Все закончилось тем, что принц был в конце концов помилован, в том числе и потому, что за него заступились многие иностранные государи, а Катте по обвинению в дезертирстве, что означало сношения с иностранными державами, был казнен. Фридриха заставили смотреть из окна на казнь Катте, что произвело на него неизгладимое впечатление. Несколько позднее он написал королю покаянное письмо и попросил носить шпагу с темляком. Современники рассказывают, что, прочитав это письмо, Фридрих Вильгельм I воскликнул: "Мой Фриц - солдат в душе!"⁷.

В последующие годы молодой принц стал много заниматься военными и государственными делами, очевидно, не только для того, чтобы заслужить расположение отца, но и для того, чтобы подготовить себя к будущей роли венценосца, да так и постепенно втянулся в них, перенимая военную идеологию Фридриха Вильгельма I и вкус к управлению государством. Впрочем, Фридрих II

проявлял нередко великодушие и благодарность, которые были довольно редкими среди монархов его времени. Отцу Катте он пожаловал титул графа и произвел его в фельдмаршалы. Своего старого учителя Жака Эгидия де Жандуна он вывез из Гарца в Берлин и предоставил ему должность в министерстве иностранных дел, а знаменитому философу Христиану Вольфу, которого не любил Фридрих Вильгельм I, вернул кафедру в университете Галле⁸. В годы, непосредственно предшествовавшие воцарению на троне, кронпринц Фридрих достаточно четко определил свои задачи как будущего прусского монарха исходя из анализа сложившейся к тому времени в Европе ситуации. Самого себя он готовил к роли второго Густава II Адольфа (знаменитого шведского короля и полководца первой трети XVII в.). Об этом желании иронически высказался тогдашний руководитель французской внешней политики кардинал Флери, что, мол, Фридрих хочет стать вторым Густавом Адольфом подобно тому, как Карл XII мечтал стать вторым Александром Македонским. Но все же Фридрих рассчитывал на интерес Франции к своей особе, что не замедлило вскоре сказаться и проявилось в заключении альянса между Францией и Пруссией 4 июня 1741 года⁹.

Однако Фридрих II не забывал и своих ученых занятий. Так формировался одновременно образ отца-командира, рассматривавшего солдата как инструмент для исполнения замыслов военачальника, но вместе с тем самого подававшего пример воинской доблести и заботы о солдатах, образ "первого слуги государства", вникавшего во все тонкости управления государством, расценивавшего подданных как своих детей, которых, впрочем, порой полезно и палкой поучить, а также образ просвещенного монарха, стремившегося воплотить идеи Просвещения на практике, то есть освободить крестьян от крепостного права, развивать промышленность, совершенствовать налоговую систему, безразличного к религии, а порой критикующего догматиков- священнослужителей. Главным украшением библиотеки Фридриха являлся портрет Вольтера во весь рост. Сам он был в некотором роде подобием

стр. 52

Вольтера, написал много различных сочинений, в том числе осуждающий беспринципность в политике трактат "Анти-Макьявелли". В придворном театре принца ставились пьесы Расина и Вольтера. В 1736 г. молодой Фридрих обратился к Вольтеру с письмом, в котором предлагалась дружба. Их переписка продолжалась вплоть до смерти Вольтера в течение сорока двух лет, великий французский просветитель жил в Потсдаме, в личной резиденции Фридриха II Сан-Суси в 1750 - 1753 гг., хотя временами они ссорились, и однажды Вольтер, оскорбившись, покинул Пруссию.

Характер у Фридриха II был нелегкий, он любил насмешничать и отпускать едкие шутки и замечания, чем, кстати, был похож на Вольтера. Особенно едкими были шутки по адресу царствующих особ женского пола, именно российской императрицы Елизаветы Петровны и императрицы Священной Римской империи Марии Терезии, за что они его конечно ненавидели. Фридрих пробовал себя в жанре исторических сочинений, среди которых самыми знаменитыми были основанные на личных впечатлениях "История Силезской войны" и "История Семилетней войны". В

то же время удивительным было его пренебрежение к величайшим умам самой Германии, писателям и философам Винкельману, Клопштоку, Лессингу, Гердеру, Гете и Вольфу, творчество которых, собственно, стало возможным благодаря тому, что Фридрих, взойдя на престол, отменил цензуру. Немецкие философы и литераторы были более осторожны в суждениях, тогда как их французские собратья остро ставили вопросы политики и духовной жизни общества. Но нельзя объяснять явные симпатии Фридриха к французскому Просвещению только отсутствием в Пруссии общественного мнения, способного использовать идеи просветителей для борьбы против королевской власти¹⁰. Во-первых, реформами в духе просвещенного абсолютизма Фридрих II хотел укрепить государство и ослабить остроту социальных конфликтов в обществе, что, кстати, не было сделано во Франции XVIII в. и результатом чего явилась Французская революция, и кроме того существовал как бы негласный договор между Фридрихом II и прусским дворянством, согласно которому дворянство отдавало в руки Фридриха управление государством в обмен на то, чтобы он позволял помещикам управление подвластными им крестьянами. Таким образом, реформы Фридриха II способствовали укреплению прусского государства, в чем прямо или косвенно было заинтересовано прусское дворянство. Поэтому его реформы, не имевшие такого революционного характера, как реформы Иосифа II, были все же осуществлены. Реформы Фридриха II, как заметил в свое время Ф. Мейнеке, основанные на принципах рационализма, построили из сословно и корпоративно разделенного общества и из обделенной естественными ресурсами территории сильное государство. Но трагедия государства Фридриха II заключалась в том, что оно держалось исключительно на умении короля управлять этим государством. В известном смысле он был утопистом и не мог, конечно, "стоять на свободной земле со свободным народом"¹¹.

Идея "округления" и спрямления разбросанных по всей Германии владений Гогенцоллернов не встречала сопротивления со стороны прусского дворянства. Но подобного рода идеи были характерны для политики практически всех государей Европы, в том числе и германских князей. Другое дело, что не всем государям удавалось осуществлять эти идеи в полной мере. Одни выигрывали, а другие проигрывали в этой беспрестанной войне, которая велась то на поле брани, то в кабинетах монархов, министров и начальников генеральных штабов. Сами по себе территориальные претензии не были плодом воображения государей, а возникли в результате многочисленных династических браков, когда статьи брачных договоров давали возможности предъявления претензий к другим государствам. И Пруссия в этом смысле не была исключением. Недаром Фридрих II часто говаривал, что повод для войны надо искать в архивах.

Фридрих Вильгельм I создал сильную армию, в конце его жизни она насчитывала 81 тыс. человек, что было бы достаточно для обороны, но Фрид-

рих II, едва взойдя на престол, создал 22 новых воинских подразделения. Армия увеличилась в размерах, достигнув к концу его правления 220 тыс. человек в мирное время при населении в 5 млн. 430 тыс. человек. В течение всего правления Фридриха улучшалось качество ее вооружения. В Пруссии широко распространилась

кантональная система: в мирное время солдатская служба продолжалась 2 - 3 месяца в году, тогда как в остальное время солдаты пребывали в поместьях офицеров. Складывалась система, где дворяне-офицеры играли роль "земельных отцов" по отношению к солдатам и крестьянам, а король являлся "земельным господином" по отношению ко всем своим подданным. В прусской армии еще при предшественниках Фридриха воинский устав был поставлен превыше всего. Во многом прусская военная система основывалась на страхе солдат перед командирами и драконовскими наказаниями, хотя, с другой стороны, солдатам гарантировался прожиточный минимум¹². Фридрих II совсем не гнушался брать на прусскую службу военнопленных, что вызывало критику современников, с одной стороны, и ослабляло ядро прусской армии, с другой. Все же он был крупным военным реформатором, создав классическую пехоту XVIII в. и применив к привычному для того времени линейному боевому порядку способ косо́й атаки, расширив тем самым потенциальные возможности пехоты. Известный военный теоретик и историк XIX в. Карл фон Клаузевиц подчеркивал "высокую способность расчета" Фридриха, опыт которого стал основой прусского военного методизма, ставшего себя изживать в эпоху наполеоновских войн, когда прусские генералы в сражениях при Йене и Ауэрштедте в 1806 г. двинулись в косом боевом порядке Фридриха против сосредоточенных масс армий Наполеона, то есть, говоря словами Клаузевица, "в открытую пасть гибели", в чем сказалось "полнейшее скудоумие, до которого когда-либо доходил методизм". Клаузевица, впрочем, нередко называют апологетом Фридриха II, но ведь нет великих полководцев, которые не совершали хотя бы одной ошибки, как и нельзя требовать от них полнейшей проницательности, особенно, когда в одном лице действуют политик и полководец¹³.

Амбивалентность (двойкость) политики Фридриха II, в которой король-просветитель, поклонник наук и искусств, выступал также в качестве циничного политика-завоевателя, для которого чуть ли не смысл жизни заключался в упрочении своего государства с помощью военных успехов, объясняется во многом политическими расчетами и господством в сознании государей того времени принципа "государственного интереса". Именно этот интерес сделал Пруссию еще до восшествия на престол Фридриха если не воинственным, то определенно военным государством, о котором один из известных деятелей Французской революции сказал, что "Пруссия это не страна, у которой есть армия, а армия, которая владеет страной". Эволюция представлений Фридриха II о самом себе от "первого слуги народа" до "первого слуги государства" в течение короткого времени как бы символизирует главный жизненный принцип прусского короля¹⁴. Создание сильной боеспособной армии при весьма скромных источниках ее финансирования могло видаться прусским властителям только за счет жесткой экономии всех средств и жесткой дисциплины в армии. Хотя высшие офицеры и генералы играли большую роль в прусском королевстве, представляя собой военную аристократию, в армии господствовало беспрекословное подчинение¹⁵.

Особенностью военной тактики Фридриха II было использование несогласованности в действиях армий противников, что, например, хорошо прослеживалось в действиях русских, австрийских и французских войск в годы Семилетней войны. Армии выполняли маневры в порядке установленной дисциплины тесно сомкнутыми рядами. Маневры требовали большой точности, много времени и необычайной расторопности руководящих ими генералов. При армиях численностью от 20 до 40 тыс. человек длина фронта атаки или обороны составляла от 3 до 6 километров, а сражения длились от трех до четырех часов. Увеличившаяся в количестве

артиллерия позволяла сдерживать маневры и держать противника на расстоянии. Как полководец

стр. 54

Фридрих II был сравнительно редким типом монарха, непосредственно руководившим своими войсками на поле битвы и в походах. Клаузевиц ставил его в один ряд с Цезарем, Густавом II Адольфом, Карлом XII, Наполеоном Бонапартом. Естественно, что в войнах Фридрих II решал исключительно политические задачи. Завоевание Силезии в 1740 г. позволило ему приобрести ключевое стратегическое положение и угрожать Вене новым вторжением. Внезапность передвижений позволяла ему уменьшить риск потерь в кровопролитных сражениях. Но, кроме того, король-полководец должен был не только руководить войсками, но и действовать на поле боя как простой солдат. В то же время Фридрихом руководили не только политические соображения, но и жажда славы, хотя первые, безусловно, преобладали¹⁶.

стр. 55

Восшествие Фридриха II на престол было встречено в Западной Европе с воодушевлением, поскольку многие знали, что он с его литературными и музыкальными вкусами и просвещенческими взглядами являл собой резкий контраст по сравнению с Фридрихом Вильгельмом I. Поначалу его действия как бы подтверждали такие ожидания. Были отменены пытки, берлинские газеты были освобождены от контроля цензуры, хотя подлинной свободы печати в Пруссии времен Фридриха II все же не существовало. Были отменены позорная "охота за ведьмами" и ведовские процессы. Для заселения пустующих земель стало широко практиковаться привлечение колонистов из других германских земель и европейских стран, прежде всего представителей религиозных и национальных меньшинств, которых привлекала господствующая в Пруссии еще со времен курфюрста Фридриха Вильгельма I и особенно укрепившаяся при Фридрихе II веротерпимость.

Французская культура, литература и философия вообще были предметом особого пристрастия Фридриха II. В юные годы он увлекался философией Лейбница и Вольфа, но более всего его привлекала философская мысль французских просветителей¹⁷. С помощью Жака де Жандуна Фридрих собрал в бытность свою кронпринцем обширную библиотеку в четыре тысячи томов. В этой библиотеке почетное место занимали тома английского мыслителя Джона Локка, французских философов Декарта, Бейля и, конечно же, Вольтера. Первая встреча Вольтера и Фридриха состоялась 12 сентября 1740 г. в замке Мойланд близ Клеве. Интерес же в самой Франции к личности кронпринца возник в связи с известной попыткой бегства Фридриха из Пруссии. В 1740 г. в Париже распространилась сенсационная новость: написанный на французском языке памфлет "Анти-Макьявелли" оказался произведением прусского наследного принца. Для французов, многие из которых не знали толком, где находится Берлин, это было откровением. Уже в этом произведении Фридрих обозначил себя как "первого слугу государства" и развил

теорию, согласно которой государство должно стоять на защите прав и блага своих подданных, а также развития человечности (Menschlichkeit) как первостепенной задачи. Но когда между 1740 и 1745 гг. Фридрих, став королем, вторгся в Силезию, произошла как во Франции, так и в Англии ревизия до того распространенного положительного имиджа Фридриха II в кругах, близких к просветителям. И в дальнейшем разница между философскими взглядами и политикой Фридриха II отмечалась французскими просветителями, прежде всего Жан Жаком Руссо, сказавшим, что он "думает как философ, а ведет себя как король. Слава - вот его бог, его закон!"¹⁸ .

Наступило отрезвление. Силезия была обширной, густонаселенной и экономически развитой территорией. Отсюда императоры могли угрожать непосредственно Пруссии. Повод для нападения на Силезию с точки зрения правовых норм того времени мог показаться законным, поскольку часть территории Силезии ранее принадлежала Гогенцоллернам. Неувязка заключалась только в том, что ранее предшественники Фридриха отказались от претензий на Силезию, что не смутило молодого честолюбца. В конечном счете Вена была вынуждена уступить Фридриху II Силезию, что увеличило территорию Пруссии на одну треть. В 1744 г. под предлогом защиты интересов Священной Римской империи, императором которой тогда был под именем Карла VII баварский курфюрст из династии Виттельсбахов, Фридрих II начал новую войну против Австрии, добившись окончательной уступки Верхней Силезии. Мария Терезия с трудом уступила прусскому королю. В карикатурах того времени она даже изображалась таким образом, как будто с нее снимают одежды другие германские государи, спешащие унести добычу в свои владения.

Фридрих II в общем-то довольно скептически оценивал результаты побед на этом этапе своей деятельности: "Если оценивать вещи исходя из их подлинной ценности, то надо признать, что война в некоторых отношениях была бесполезным кровопролитием, и что...Пруссия не добилась ничего иного, как утверждения во владении Силезией"¹⁹ . Разумеется, политика Фридри-

стр. 56

ха II строилась на достижениях его предшественников. Пруссия времен "великого курфюрста" Фридриха Вильгельма I была в известном смысле, по словам Ф. Пресса, спящим великаном. После того, как этот курфюрст сумел добиться гегемонии на северогерманском пространстве, приобретя суверенитет Бранденбурга над Пруссией в 1660 г., его сын Фридрих I в награду за помощь императору Леопольду I в борьбе против экспансии Людовика XIV был увенчан в 1701 г. королевской короной, что значительно укрепило позиции Пруссии как внутри Империи, так и на европейском уровне. Но как сам Фридрих I, так и его сын Фридрих Вильгельм были лояльными членами Империи и не создавали императорам каких-либо значительных трудностей в имперских делах. Но в это же время благодаря системе браков и родственным связям значительно укрепилось положение Гогенцоллернов во многих частях Германии - Гессен-Касселе, Вюртемберге, у франконских Гогенцоллернов (Ансбах-Байрейт), при северогерманских дворах. Образовалась сеть из близких к Берлину северогерманских небольших княжеских дворов, а также протестантских княжеств

Средней и Юго-Западной Германии, тогда как южногерманские дворы были более близки к Вене. Именно на этой основе Пруссия превратилась в главного соперника Австрии внутри Империи и в Европе. Так что по существу Фридрих II имел другие цели, нежели его предшественники, и его замыслы были направлены против основ имперского союза, хотя он часто, когда воевал или интриговал против Австрии, выступал как защитник имперской конституции²⁰.

Во всяком случае, он решился на аннексию Силезии, с чего, собственно, начинается история австро-прусского дуализма. Фридрих так или иначе, несмотря на приводимые им доводы, выступал в качестве нарушителя имперского мира и имперской конституции. Но он опирался на созданную его предшественниками армию и сеть политических и династических связей внутри Империи. При этом молодой прусский король ловко использовал сложную политическую ситуацию, когда после смерти императора Карла VI в 1740 г. наследницей трона стала его дочь Мария Терезия, не имевшая еще опыта государственного управления. Амбиции и экономические выгоды двигали Фридрихом II, в чем он сам в своих мемуарах откровенно признавался²¹.

Военные победы Фридриха II вызвали опасения у Франции, что может измениться выгодное для Парижа соотношение сил в Священной Римской империи и будет ослаблена позиция Франции как гаранта Вестфальского мира 1648 года. Это побудило Париж в лице выдающегося политика того времени кардинала Флери искать союза со старым врагом, Австрией, для того, чтобы создать противовес усиливавшейся Пруссии. Складывалась мощная коалиция, к которой присоединились Польша, Саксония, Россия и Швеция. Пруссии ничего не оставалось делать, как заключить соглашение с главным противником Франции в Европе Англией, смысл которого заключался в том, что Пруссия будет воевать на английские деньги. Соблазн усилиться и расширить территории за счет теперь уже Саксонии был настолько велик, что Фридрих II ввязался в авантюру, вылившуюся в конце концов в Семилетнюю войну (1756 - 1763 гг.).

Прусский король рассчитывал на быструю кампанию, которую ресурсы Пруссии вполне могли выдержать. Заметим, что именно эта концепция скоротечной войны легла затем в основу стратегических расчетов германского милитаризма последующих веков. Поражения Фридриха объяснялись всякого рода случайностями, что таило в себе большую опасность. Слабость этой концепции в любом случае заключалась в том, что ее апологеты не учитывали быстро меняющихся внешнеполитических обстоятельств, то есть возможного расширения противоборствующей коалиции, недооценивали степень сопротивления населения завоеванных территорий, наконец, переоценивали собственные материальные и военные ресурсы. Кстати, сам Фридрих потом учел уроки Семилетней войны и предпочитал вести "кабинетные войны", создавая коалиции и стараясь приобретать новые территории, не совершая военной агрессии.

последняя победа над австро-французской армией 5 ноября 1757 года. В этой битве австро-французская армия потеряла около 10 тыс. человек, из них 7 тыс. пленными, тогда как пруссаки 548 человек. К слову сказать, австрийский и французский командующие во многом зависели от указаний своих монархов, что отнюдь не способствовало единству их действий²².

Но ход войны решался не только в Саксонии или Чехии, но и на восточном направлении. Сначала русская армия под командованием С. Ф. Апраксина разбила прусские войска под Гросс-Егерсдорфом и заняла Восточную Пруссию. Фридрих II теперь вынужден был вести военные действия на два фронта. В 1758 г. он столкнулся с русской армией в сражении под Цорндорфом, которое отличалось редкой жесточенностью и большими потерями с обеих сторон и не принесло победы ни одному из противников. Решающее сражение между прусской и русской армиями произошло в следующем году. 1 августа 1759 г. состоялось сражение при Кунерсдорфе на подходах к Франкфурту-на-Одере. Прусская армия состояла из 40 тыс. человек, а русская с корпусом австрийского генерала Лаудона из 70 тыс. человек. Поначалу успех сопутствовал пруссакам. Фридрих даже отправил гонцов в Берлин с вестью о победе. Казалось, русская армия должна была отойти, но тут Фридрих совершил роковую для него ошибку, начав штурм горы Шпицберг, в результате чего пруссаки понесли значительные потери. Сам прусский король едва не попал в плен и в отчаянии написал карандашную записку министру Финкенштейну: "Все пропало! Спасите королевскую семью! Прощайте навеки". Затем последовала еще одна записка, в которой вновь прозвучали слова "все пропало". Прусская армия потеряла в этом сражении до 20 тыс. человек. Но командующие русской и австрийской армиями П. С. Салтыков и Даун не смогли договориться относительно дальнейших совместных действий, что спасло армию Фридриха II от окончательного разгрома. В следующем году русская армия на непродолжительное время заняла Берлин. Русские и австрийцы захватили значительные части территории Пруссии. Кроме того, Англия после отставки правительства Уильяма Питта-старшего, поддерживавшего прусского короля, перестала выплачивать Пруссии субсидии.

Но... произошло чудо. Фортуна неожиданно улыбнулась Фридриху II. В декабре 1761 г. скоропостижно скончалась российская императрица Елизавета Петровна. На российский престол взшел ее дальний родственник Петр III, немец по происхождению и приверженец прусской военной системы. Новый российский император тут же подписал с Фридрихом II мир и тем самым внес раскол в антипрусскую коалицию. Хотя в июне 1762 г. Петр III был свергнут с престола с согласия его супруги, тоже немки по происхождению, будущей императрицы Екатерины II, Россия не стала продолжать войну. Несмотря на то, что императрица не питала симпатий к Фридриху, ее вполне устраивало равновесие сил между Пруссией и Австрией, которое она хотела использовать в целях укрепления позиций России в Польше и в войнах против Турции. В итоге в 1763 г. был подписан Губертусбургский мир, сохранивший состояние австро- прусского дуализма в Священной Римской империи. Но одновременно усилилось влияние России в европейской политике. В то же время при всей малочисленности своего населения и ограниченности финансовых ресурсов Пруссия усилила свое влияние в пятерке ведущих в военно-политическом отношении держав Европы, хотя экономически она была очень ослаблена, что Фридрих учитывал в последующие годы, стараясь избегать больших войн и предпочитая проводить "кабинетные войны", используя дипломатию, а также заботясь об укреплении экономики своего государства. Во

всяком случае, итогом Семилетней войны стало окончательное разрушение Вестфальской системы, гаранты которой были Франция и Швеция, и утверждение Пентархии, то есть господства в европейской политике пяти великих держав - Англии, Франции, России, Австрии и Пруссии.

стр. 58

Поскольку российская императрица в 60-е - 70-е годы XVIII в. была занята внутренними реформами, оба германских государства выдвинулись на ключевые позиции в европейской политике, в результате чего австро-прусская дуализм стал ядром международной системы, в которой Вена и Берлин искали дружбы с Петербургом²³.

Хотя Фридрих II часто предпочитал ссылаться на ошибки своих генералов, на неблагоприятные обстоятельства и прочее, кое-какие уроки из Семилетней войны он извлек. Теперь ему был свойствен не столько военный, сколько политический авантюризм, но довольно осторожный. Это хорошо видно из его "Политического завещания" 1768 года. Достаточно привести несколько высказываний из этого интересного документа, например, такое: "Существуют союзы наступательные. Они создаются исключительно для захватов и приобретения взаимных преимуществ договаривающимися сторонами. Существуют союзы оборонительные, которые имеют целью помешать амбициозному государю усилиться, потому что его сила становится слишком угрожающей государям, которые по этой причине находят основание противиться ему". Для того, чтобы проводить свою политику "в таких тонких делах, необходимо, во-первых, хорошо знать силу и слабость собственного государства, необходимо, наконец, изучить другие королевства Европы, их силы, их слабости, их систему, если таковая у них имеется, характер государя, его министров, достоинства или слабости армии, флота и ресурсов государства... Все это требует прилежания, забот и множества комбинаций". Во всяком случае, оценки, даваемые Фридрихом другим государствам Европы, очень реалистичны. Например, его оценка Российской империи, в которой он видел самую опасную для Пруссии европейскую державу (очевидно, сказывался синдром Семилетней войны). Он достаточно хорошо видел намерения Екатерины II использовать противоречия между Австрией и Пруссией и отмечал, "что будет очень трудно в будущем уменьшить влияние России". Зато совершенно противоположное мнение у него было о Польше, которую он вообще в грош не ставил, считая ее царством анархии, а поляков "последней нацией в Европе"²⁴. Эти наблюдения, возможно, и способствовали возникновению у него мыслей о расчленении Польши, которая целиком могла подпасть под влияние России, с тем, чтобы сначала получить территории Речи Посполитой, населенные немцами-протестантами, а затем, отдав земли с православным населением России, не дать последней возможности подчинить всю Польшу.

Страх перед Россией, вошедший в сознание, Фридриха в результате Семилетней войны, остался у него на всю жизнь. В этом же "Завещании" он писал, что Европа должна противостоять подъему России. Он не отказывался от союза с Россией, но рассматривал этот союз исключительно с точки зрения выживания своего государства. В сущности, он так и не оправился от нанесенной ему психологической травмы, но страх его был, как пишут некоторые современные авторы, видением,

химерой, порожденной осознанием ограниченных возможностей его государства по сравнению с огромной Россией. К тому же он всеми силами старался противодействовать вероятному сближению Петербурга и Вены. Вместе с тем союз с Россией так или иначе должен был удерживать потенциальных агрессоров от выступлений против Пруссии. С этого времени в Берлине определенно осознали, что европейская политика делается скорее в Петербурге, а не в Париже²⁵.

Особое внимание в "Завещании" Фридрих уделял Австрии. Он отмечал непредсказуемый характер замыслов императрицы Марии Терезии и нацеливал своих преемников на то, чтобы они не содействовали мирной политике Вены, поскольку если Австрия начнет войну, то в силу финансового дефицита может оказаться в состоянии банкротства и тем самым значительно ослабнет. Относительно амбициозных планов Вены, особенно вынашиваемых соправителем Марии Терезии ее сыном Иосифом II, в смысле подчинения Баварии, Фридрих высказывался весьма скептически. Но что касалось Иосифа II, прусский король советовал подождать до наступления единолич-

стр. 59

ного правления Иосифа, чтобы "по его действиям судить о его характере и замыслах".

Позицию многих немецких курфюрстов и князей, прежде всего Саксонии, Ганновера, Пфальца, Гессена и других Фридрих характеризовал как колеблющуюся и зависящую от субсидий крупных держав, а главным образом от равновесия сил между Австрией и Пруссией. Как видно, Фридрих особенно утешался ослаблением Франции, находившейся в состоянии надвигавшегося экономического кризиса и истощенной бесконечными войнами и амбициозными проектами французских королей в Германии и в Европе в целом. Но более всего он стремился использовать соперничество между Англией и Францией в интересах Пруссии. Поскольку Англия прекратила союзные отношения с Пруссией, а Франция заключила союз с непримиримым врагом Пруссии - Австрией, рассуждал далее Фридрих, необходимо заключить союз с Россией. В итоге Пруссия смогла принять участие в первом разделе Польши.

Заслуживают внимания рассуждения Фридриха о политике и политиках вообще. Наиболее мудрой политикой он считал "ожидать случая, и тогда видеть, в каких обстоятельствах находишься, и благоприятствовать тому, что нам кажется выгодным". И еще одно замечание: "наибольшей ошибкой, в которую можно впасть, является вера в то, что короли или министры заинтересованы в нашей судьбе. Люди любят только самих себя; их интерес - это их бог... Они вас будут уверять, что ваши интересы им также дороги, как их собственные; но не верьте им и закройте ваши уши перед песнями этих сирен". Интересно, что это писал человек, который являлся автором сочинения под названием "Анти-Макьявелли".

И, конечно же, нельзя обойти вниманием его оценку политики великих держав XVIII в. "Англичане вам платят субсидии и считают вас наемной силой, которую можно использовать, когда вам надо. Французы с трудом дают субсидии, потому что

должны самим себе. Чтобы привлечь ваше внимание, они вам предложат владения на Луне, хотя вам предстоит тяжелая работа их завоевать. Австрийцы медлительны в своих намерениях и рассматривают своих союзников скорее как своих подданных, чем как независимые государства, которые вступают в союз с общей целью. Русские требуют от своих союзников больше, чем те имеют намерения сделать для них".

Идея разделов Польши уже давно завладела Фридрихом. Ко времени написания завещания 1768 г. она уже, как видно, окончательно сформировалась. "Наши границы с Польшей дают нам возможности проникать в это королевство. Всякий, кто будет владеть устьем Вислы и Данцигом, будет больше господином этого государства, чем король, который им правит". Надо полагать, что Фридрих хотел таким образом подчинить себе Польшу, оставив России только территорию современной Белоруссии. Гипертрофированный страх перед Россией у него все же был, поскольку в этом же завещании он писал, что "есть только одно средство остановить экспансию России, оставив этот свирепый народ в его древнем логове"²⁶

Собственно, тогда же он и начал действовать. В 1764 г. Фридрих II заключил с Екатериной II тайное соглашение, по которому обе державы обязывались силой оружия способствовать сохранению польской конституции от всяких попыток реформ. Такая политика давала надежду обеим сторонам установить контроль над польскими делами. Но прусский король опасался, что Россия окажется сильнее, и ждал своего часа, который настал, когда Россия увязла в очередной войне с Османской империей и, не имея сил вторгнуться в Польшу, согласилась на вариант раздела, предложенный Пруссией. Австрия была "куплена" предложением получить южную часть Польши с Краковом и Галицию в качестве компенсации за Силезию. Австрийский двор колебался, но соблазн получить обширные территории без применения оружия оказался сильнее. Мария Терезия как будто мучилась угрызениями совести. Узнав об этом, Фридрих II ехидно заметил: "Плачет, но берет". Не менее едкие замечания допускал он в дипломатической переписке по поводу

стр. 60

шума, поднятого в английской печати в связи с первым разделом Польши, поскольку видел, что Англия не в состоянии ему помешать²⁷.

Пруссия в результате первого раздела Польши в 1772 г. получила земли по нижнему течению Вислы за исключением Данцига (Гданьска) и Торна (Торуня), что позволило связать в одно целое Бранденбург с Восточной Пруссией. Первый раздел Польши в известном смысле можно считать вершиной "кабинетных войн". Фридриху II удалось благодаря этому разделу укрепить свои позиции и в скором будущем, когда Австрия попыталась в войне за "баварское наследство" присоединить Баварию, помешать ей и, наконец, в 1785 г. создать Княжеский Союз, ставший препятствием на пути стремления Иосифа II усилить Империю по отношению к князьям²⁸. Ему ли было не знать, что могущество Пруссии было довольно зыбким и держалось главным образом на противоречиях между ее противниками.

В экономическом отношении Пруссия была недостаточно сильна. Попытки

Фридриха отменить крепостное право натолкнулись на ожесточенное сопротивление дворянства, а ведь из него состоял офицерский корпус прусской армии. Деньги нужны были в большом количестве, и Фридрих достиг большого искусства в умении выколачивать деньги на содержание армии, заметим, одной из самых дешевых в Европе, не влезая в государственные долги. Если в год смерти Фридриха II (1786 г.) государственный долг Великобритании равнялся 246 млн. фунтов стерлингов, то есть 1,5 млрд. прусских талеров, долг Франции с 1777 по 1781 г. увеличился на 3 млрд. ливров, то есть на 792 млн. прусских талеров, а к 1784 г. вырос до 4,5 млрд. ливров (1,2 млрд. прусских талеров), Россия имела долг в 52 млн. рублей или 53 млн. талеров, то Пруссия имела долг в 172 тыс. талеров. Фридрих II довел до совершенства введенную еще курфюрстом Фридрихом Вильгельмом I систему государственных налогов и акцизов. Значительные средства дали контрибуции в Силезии и Западной Пруссии. После акцизов важными статьями доходов были таможенные пошлины и обложение налогами предметов роскоши. Но 75% этих средств шло на военные расходы и в последние годы царствования Фридриха II их количество достигло предела, которого оно не могло превышать без риска нарушить финансовый баланс. К 1794 г. отложенные для наследника 10 млн. талеров истожились, а к моменту смерти Фридриха Вильгельма II государственный долг Пруссии достиг суммы 36 млн. талеров. Война перестала кормить Пруссию, что рано или поздно должно было произойти, система Фридриха II дала сбой²⁹. Она имела слишком много недостатков, которые покрывались до поры до времени доходами от завоеванных территорий. Являясь сторонником теории меркантилизма, Фридрих II облагал импортные товары высокими пошлинами, полагая, что доходы от повышенного таможенного обложения пополнят государственную казну, но при этом не думал о том, что страны-импортеры могут принять ответные меры по отношению к прусским товарам на их рынках. Он всецело старался способствовать развитию мануфактур в Пруссии, но поскольку решения принимал сам, то временами ошибался в выборе приоритетных направлений и монополий, из-за чего бюргерство нередко выражало возмущение. Маколей заметил по этому поводу: "Ни опыт других правителей, ни его собственный не научили Фридриха, что Лион, Брюссель или Бирмингем создаются не эдиктами и не денежными субсидиями". Использование опыта французских налоговиков в Пруссии, принявших по существу обирать население по примеру Франции, имело негативные последствия, и Фридрих II был вынужден отказаться от услуг французов³⁰.

Сам Фридрих часто устраивал объезды своих владений, беседовал с бюргерами, крестьянами, играя роль заботливого "земельного отца". Так формировался культивировавшийся долгое время в германском общественном мнении образ "старого Фрица", заботящегося о своих подданных. Интересен такой эпизод. Как это было ему свойственно, Фридрих II однажды, услышав о широком использовании в кашубской местности (территория, полученная в результате первого раздела Польши) картофеля, решил узнать о некой жен-

щине Аманде Войке, которая открыла полезные свойства картофеля. Король посетил селение, в котором проживала эта женщина, и отведал горячего картофельного супа. Узнав рецепт этого супа, он потом рекомендовал его в качестве лейб-кушанья, после чего оно вскоре нашло применение во всей Пруссии. Произошло это 16 октября 1778

года.

Вообще вся система управления Пруссией была основана на неограниченной королевской власти. Пока Фридрих был молод и энергичен, он мог вникать, хотя и не всегда достаточно эффективно, во все дела королевства. Но становясь старше, страдая подагрой и астмой, не мог столь же успешно следить за всеми делами. Тем более, что Фридрих привык править один, практически не проводя заседаний кабинета министров, накладывая резолюции на доклады министров и решая различные вопросы во время своих инспекционных поездок. По отношению к своим сотрудникам он был деспотом, державшим все нити управления в своих руках. Так или иначе рациональный дух Просвещения в прусской системе управления не был представлен, компетенция сословных представителей была минимальной. Рано или поздно такая система должна была потерять свою эффективность. Часто лишённые инициативы и самостоятельности министры становились лишь исполнителями воли монарха, не вполне представлявшего себе суть решаемого вопроса. Происходило отставание в принятии решения от требования момента.

Но в то же время Фридрих II, следуя идеям эпохи Просвещения, немало способствовал созданию в Пруссии основ правового государства. Конечно, отставание в этом смысле по сравнению с Англией было значительным, и все же идея верховенства закона и равенства всех подданных перед законом медленно, но верно внедрялась в сознание жителей Пруссии и в практику судопроизводства. Само по себе нахождение дворян на высших должностях в государственном аппарате и в армии сдерживало продвижение по служебной лестнице выходцев из других сословий. Экзамены для чиновников, введенные для отбора на основе знаний, по существу были только на бумаге, потому что конкурсная система была построена таким образом, чтобы новые люди не попали в число чиновников. Но следует заметить все же, что в Пруссии буржуазия к концу XVIII в. была еще слишком слабой, чтобы создавать с опорой на нее систему государственного управления. Государственное регулирование развитием мануфактур должно было способствовать экономическому прогрессу, но поскольку целиком находилось в руках монарха, то не всегда учитывало потребности рынка. Бюргерам было запрещено приобретать землю: эта политика была направлена на сохранение дворянства как привилегированного сословия и, естественно, сдерживала развитие капитализма в сельском хозяйстве. Короче говоря, в экономической и социальной политике Фридрих II не совершил решительного поворота, ибо зависел во многом от позиции дворянства, но при этом имел практически полную свободу в военной и дипломатической сферах. Интересно, что сам по себе тип большей частью патриархальных отношений зависимости и подчинения между дворянством и крестьянством переносился на характер отношений в армии, а затем механизм военной дисциплины внедрялся в гражданское общество. Фридрих укреплял дворянство как сословие еще больше, чем его отец. Из этого сословия происходили офицеры и чиновники в противоположность буржуазным слоям, выходцы из которых вытеснялись из армии и гражданского управления. Вообще-то он был сторонником традиционного сословного деления общества. Одно дело - рассуждать как просветитель, другое дело - практическая социальная политика. К концу столетия антагонизм между офицерско-дворянским корпусом и стремящимися к буржуазной эмансипации гражданскими кругами усилился, что, естественно, не могло не сказаться на общем состоянии прусского общества³¹.

Веротерпимость прусского короля, как уже отмечалось, носила исключительно

рационалистический характер. Во-первых, она способствовала привлечению бежавших из других земель Германии, а также из некоторых стран Западной Европы из-за религиозных преследований протестантов и евреев,

стр. 62

многие из которых были полезны для Пруссии как обладатели капиталов и хорошей профессиональной подготовки в качестве купцов, промышленников, ремесленников и офицеров. Во-вторых, еще с детства он проникся безразличием к религии. В-третьих, Фридрих II, прекрасно разбиравшийся в различных вероисповедных системах, был очень близок к атеизму. Он часто говорил, что в его владениях "пусть каждый очищается от грехов, как ему больше нравится". Но в полном согласии, например, с взглядами Вольтера, он считал, что простому народу религия необходима, ибо страх перед богом способствует большему законопослушанию. Любопытно, что Берлин во время его царствования стал центром еврейского просвещения, хотя сам он считал, что количество евреев в Пруссии необходимо ограничить³².

В своем "Политическом завещании" Фридрих уделял большое внимание вопросам судопроизводства и юстиции. Он писал: "Хотя государь не вершит дела юстиции лично, он должен по меньшей мере следить во все глаза за ее осуществлением и за судьями". И еще: "Для того, чтобы утвердить правосудие в его целостности, необходимо выбрать хорошего канцлера и посылать комиссаров высшего трибунала в провинции, дабы контролировать подчиненных чиновников, и это необходимо делать раз в три года". В финансовых делах, учитывая скудость ресурсов Пруссии и бедность ее жителей, что не давало возможности вести длительные войны, необходимо рационально вести финансовые и торговые дела, используя все возможности для пополнения государственной казны³³.

Фридрих II старательно создавал себе имидж "первого слуги государства". Это было нечто новое по сравнению с типично абсолютистским представлением о монархе как "первом дворянине" в духе французского "старого порядка" времен Людовика XIV. Здесь сказывалось влияние не только идей Просвещения, но и новых правовых представлений. Не исключено, что этот гипертрофированный идеал "первого слуги государства" возник отчасти как результат не сложившейся личной жизни самого прусского короля. В молодости, когда он еще был наследным принцем, ему нравилась Анна Мекленбургская, племянница российской императрицы Анны Иоанновны. Но Фридрих Вильгельм I женил, исходя из соображений политической выгоды, своего старшего сына на принцессе Елизавете Христине Брауншвейг-Вольфенбюттельской. Не будучи счастливым в браке, от которого к тому же не было детей, в результате чего прусский трон достался Фридриху Вильгельму II, сыну его брата Генриха, Фридрих II ревностно занялся политическими и военными делами. Он долгое время жил со своей супругой врозь. Набожная Елизавета Христина занималась рукоделием и переводами на французский язык немецких богословских книг. В Берлине она появлялась редко, во время смотров войска отдавали ей все необходимые королевские почести, иногда король и королева обедали вместе. В Сан-Суси, дворцовом комплексе в Потсдаме, где Фридрих проводил большую часть своего времени, она никогда не бывала. Вообще Елизавета Христина была полной

противоположностью Фридриху II. Высокого роста, нескладная блондинка, хотя и отнюдь не уродливая, неразговорчивая, она плохо себя чувствовала в обществе Фридриха и его приближенных, а ее бесплодность совсем отдалила короля от супруги.

За исключением крупных военных кампаний первой половины его царствования, Фридрих II привык вести уединенную однообразную жизнь, рано вставал, по утрам много работал за письменным столом и играл на флейте, вечера проводил в беседах с друзьями, которых с годами становилось все меньше и меньше: Вольтер давно уехал во Францию, остальные же умирали один за другим. Фридрих II умер в достаточно преклонном по тем временам возрасте. Не желая упускать из своих рук руководство армией, он в августе 1785 г. семь часов под проливным дождем и при сильном северном ветре командовал маневрами, усугубив астму воспалением легких. Здоровье его резко ухудшилось. Через год он скончался. Гроб с телом Фридриха II был помещен в склеп под кафедрой гарнизонной церкви в Потсдаме. На простом надгробном камне была высечена надпись "Fredericus II". Его имя навсегда

стр. 63

оказалось связано как с эпохой Просвещения и вольтерьянством, так и с пруссачеством и германским милитаризмом. Образ реального Фридриха II не всегда согласовывался с представлениями как его критиков, так и его апологетов и, конечно, должен быть рано или поздно очищен от конъюнктурных наслоений.

Конечно, Пруссия благодаря усилиям Фридриха II в течение половины столетия из династически скомбинированного конгломерата экономически слабо связанных земель стала значительной силой в европейской системе государств. Но она управлялась военными и чрезвычайными мерами, а также архаическими методами, что не могло долго продолжаться. Естественно, что Фридрих не мог управлять отсталой патриархальной страной иными методами, но созданная им система могла держаться только при нем. Французская революция и наполеоновские войны разрушили эту систему³⁴.

С Иосифом II, соправителем своей матери Марии Терезии и единоличным правителем в 1780 - 1790 гг., он в чем-то сходил, но в чем-то и расходился. Они были похожи в неумном стремлении к реформаторству и укреплению своих государств, в неустанном труде на поприще "первых слуг государства", в желании воплотить на практике идеи Просвещения, в несчастливой личной жизни. Но если Фридрих был ловким и циничным политиком, то Иосиф был прямолинейным и ортодоксальным государственным деятелем, лишенным какой бы то ни было хитрости и действующим часто напролом. Иосиф II, будучи моложе Фридриха II на двадцать восемь лет, ненавидел его как государя державы-соперницы и восхищался им одновременно как государственным деятелем, желая перенять те принципы управления государством, которых придерживался прусский король. 25 августа 1769 г. в городе Нейсе в Силезии они впервые встретились и Иосиф выразил свое восхищение в следующих словах: "Теперь я совершенно счастлив! Желания мои исполнились: я вижу и обнимаю величайшего монарха и полководца". Фридрих II сказал тогда же Иосифу, что считает день их встречи наисчастливейшим, поскольку

она может послужить основой для сближения австрийского и прусского домов. Разумеется, это были обычные дипломатические вежливость и лукавство. Но Фридрих понял, что энергичный и предприимчивый Иосиф может значительно усилить Австрию, и стал его опасаться. Он даже поместил портрет Иосифа у себя в кабинете, сказав одному из своих приближенных, "чтобы иметь его всегда перед глазами. Император Иосиф - человек с головой, он мог бы многое совершить, но жаль, что всегда делает второй шаг раньше первого".

Как уже отмечалось, Иосиф II был одновременно поклонником и антагонистом Фридриха II. Но если прусский король всегда приспосабливался к обстоятельствам и умело их использовал, то Иосиф II был в известном смысле доктринером и даже догматиком собственных идей и упрямо стремился осуществить свои планы, даже если они встречали сопротивление со стороны его подданных в многочисленных габсбургских владениях, населенных чехами, поляками, русинами, венграми, итальянцами и французами. Например, проводя между 1781 и 1790 гг. церковную реформу, Иосиф рассчитывал получить больше выгод от продажи монастырских земель, чем оказалось на самом деле, несмотря на радикальный характер этой реформы³⁵. Разделение его власти как бы на два уровня, то есть императора с весьма ограниченными правами в германских землях, зависящего во многом от позиции и интересов князей и сословий, и суверенного правителя наследственных габсбургских земель (Чехия, Венгрия и др.), где он мог проводить реформы, не обращая внимания на протесты местных органов самоуправления, порождало противоречия в его политике и стремление усилить свои позиции в Германии, где ему успешно противостоял Фридрих II.

Австро-прусское соперничество еще больше усиливало ненависть Иосифа к прусскому королю. Когда Фридрих II умер, император высказал сожаление о том, что тот "так долго прожил". Русский историк П. П. Митрофанов, автор биографии Иосифа II, заметил по этому поводу, что "нужно было все благо-

стр. 64

разумие Леопольда и потрясающие события французской революции, чтобы Габсбурги и Гогенцоллерны на время забыли свою вражду". А во время войны 1778 - 1779 гг. за "баварское наследство" между Австрией, с одной стороны, Пруссией и Саксонией - с другой, закончившейся Тешенским миром 1779 г., Фридрих II вынашивал планы объединения различных сил против императора. *Corpus Evangelicorum*, то есть союз протестантских князей и городов Германии, не надо было даже укреплять - это была готовая оппозиция императору в случае его попыток изменить в пользу Вены баланс сил в Германии³⁶.

Как и Фридрих II, Иосиф был фанатиком идеи государства и "слугой государства", работавшим во имя создания сильного государства порой по 18 часов в сутки, чем довел свой организм до того, что этот красивый, высокий и крепкий здоровьем в молодости мужчина умер от сильной простуды, не выдержав напряженных трудов, в возрасте 48 лет.

Самое главное направление в его политике, касающееся Фридриха II, заключалось в

том, чтобы не допускать сближения Пруссии с Францией и всеми силами препятствовать объединению Ансбаха-Байрейта с Бранденбургом- Пруссией, что создало бы перевес Пруссии над Австрией. Но для этого, как он считал, кроме сближения Австрии с Францией необходимо было провести реформу судебной системы Старой империи, которая бы усилила роль Вены в решении территориальных споров в Германии, но сама идея которой наталкивалась на решительное сопротивление *Corpus Evangelicorum*, сразу же ссылавшегося на нарушение таким образом принципов Вестфальского мира 1648 г.³⁷, поскольку вмешательство в судебную систему касалось также религиозных дел.

Иосифу II было сложно управлять государственными делами, будучи императором как бы в двух лицах: идея сильного австрийского государства часто не совпадала с интересами населявших его народов, особенно с интересами национального дворянства, в руках которого находились органы местного самоуправления. Прямолинейность Иосифа, не считавшегося с национальными чувствами и традициями и, мало того, не любившего аристократию и стремившегося к равенству дворянства с буржуазией, часто вредила его реформам. Так, он оскорбил национальные чувства чехов, отказавшись короноваться в Праге короной чешского короля, и венгров, игнорируя подобную же церемонию в Буде, но приказав привезти соответственно короны Св. Вацлава и Св. Стефана в Вену и поместив их на хранение в дворце Шенбрунн. Введя повсеместное использование немецкого языка в делопроизводстве, поклонник физиократов Иосиф II хотел только создать единообразие в государственном управлении, не желая, конечно, оскорблять национальные чувства, но получилось именно так³⁸.

Объясняется это, возможно, тем, что на Иосифа II давил психологический груз наследства Карла V, а также тем, что сам он не был чистым немцем, в его жилах текла кровь лотарингских предков по отцу Францу I (мужу Марии Терезии и ее соправителю в 1745 - 1765 гг.), сделавшему основой своей политики восстановление имперской идеи, человеку живому и темпераментному, к тому же обиженному на Францию за лишение его предков многих наследственных земель. В то же время он, подобно своему отцу и Фридриху II, был поклонником французской культуры, предпочитал писать и говорить на французском языке. Поэтому он не понимал, скажем, приверженности венгерского дворянства своему родному языку. Язык для него был средством общения, а не душой народа. Ко всяким проявлениям национальных чувств он относился как к предрассудкам и в этом смысле не понимал многих своих подданных. Но точно также в высших интересах государства он был сторонником веротерпимости и примирения всех христианских конфессий (кроме сектантов), хотя в душе оставался верующим католиком в отличие от близкого к атеизму Фридриха II. Тут, конечно, сказалось влияние его матери довольно набожной Марии Терезии, не любившей иезуитов, но считавшей религию необходимой и, мало того, по-

Мария Терезия оказывала большое влияние на сына и, пока была его соправительницей, сдерживала многие инициативы Иосифа II, в том числе и в религиозных вопросах. Она, например, сильно препятствовала введению акта о веротерпимости, который был объявлен уже после ее смерти, в 1781 году. Ее отношение к замыслам сына в области религии очень хорошо отражено в письме к Иосифу в июле 1777 г.: "Без господствующей религии? Терпимость, безразличие в самом деле наилучшие средства для того, чтобы все подорвать и ничего не поддержать; более того, мы можем попасть в ловушку: это не Нантский эдикт, разрушивший эти провинции (имеются в виду южнофранцузские гугенотские территории. - Ю. И.); в Бордо эдикт никогда не действовал и страна не стала богаче... дурная администрация, слабые министры или интриганы, которые разрушили королевство... недостаток религиозности у чиновников, которые были заняты только своими интересами и охвачены своими страстями, разрушившими все... Я говорю только в политическом смысле, а не в христианском: ничто так не бывает необходимым и спасительным, как религия". Мать-императрица, в самом деле, умела сдерживать рвение своего сына. Она знала его деятельный, непреклонный и упрямый характер и опасалась, что его действия могут вызвать сильную оппозицию, которая погубит реформы. Как любящая мать и сама не чуждая реформаторства, она полностью сделала ставку на своего сына, что видно из того же письма: "Я действую не только для блага государства и Вашей сохранности, сын, ставший после своего рождения единственной целью моей жизни, но и для Вашего блага"³⁹.

Был Иосиф II революционером или деспотом, историки спорят до сих пор. Суть дела, очевидно, в следующем. В нем сочетались революционность замыслов с деспотизмом их осуществления. Традиции монархического образа управления, несмотря на всю склонность Иосифа к идеям Просвещения и либерализму, сказывались в его политике. К тому же он торопился осуществлять свои планы, словно боясь, что жизнь его на исходе и он не успеет все сделать. Может быть, он боялся отстать от Пруссии и ослабить Австрию в соперничестве с державой Фридриха II? Но одно можно сказать определенно: он опережал свое время и многие его идеи осуществились значительно позже⁴⁰.

Будучи фанатиком общего блага и догматиком идеи государства, Иосиф действовал, не обращая внимания на общественное мнение. Во многом он использовал чисто эмпирические методы в проведении реформ, характерные, заметим, и для его матери. Он часто пренебрегал историческими традициями, был эклектиком не только в финансовой политике, но и в целом в экономической политике, так как одинаково относился к земледелию, промышленности и торговле. Меркантилизм в стиле Кольбера был для Иосифа примером регламентации промышленной жизни государства. Аграрная реформа у него не получилась, крестьяне не стали наследственными арендаторами, реформа была убыточной для землевладельцев. Просветительские идеи и реформы вызвали недовольство консервативной аристократии, а абсолютистские методы правления - недовольство либералов⁴¹.

Многие идеи и планы Иосифа II возникли еще в юные годы, хотя они не всегда были связаны с его воспитанием и образованием. С одной стороны, Мария Терезия с ее умеренным католицизмом сильно повлияла на то, что принц остался католиком в душе, с другой стороны, ее супруг Франц I, сторонник просвещенного янсенизма, провозглашавшего идеи очищения католицизма и спасения верующих с помощью добродетельного поведения, привил сыну критическое отношение к религиозным

догматам и особенно к практике католицизма. Вообще воспитание Иосифа было подчинено конкретному четкому плану, занятия проводились согласно тщательно составленному расписанию. Он владел латынью, французским и итальянским языками, хотя и примитивно, понимал чешский и венгерский языки. Его религиозным обра-

стр. 66

зованием занимались отцы-иезуиты. Иосиф интересовался философией, математикой, географией, естественными науками, изучил естественное и международное право, немецкое государственное и ленное право. Он получил хорошие знания по истории Священной Римской империи, по политическому и административному устройству австрийской монархии и подчиненных ей территорий. Среди воспитателей Иосифа был также крупный военачальник родом из Венгрии фельдмаршал Батянь, прививший ему страсть к военному делу, в результате чего идеалом наследника стала военная система Фридриха II. С другой стороны, он мало интересовался изобразительным искусством и литературой, к Вольтеру относился с неодобрением, даже запретил издание его сочинений в переводе на немецкий язык, не желая распространения среди своих подданных "философского яда", был против ос-

стр. 67

нования Академии наук в Вене. Но питал слабость к музыке, любимому времяпрепровождению всех Габсбургов, покровительствовал музыкантам и сам любил играть на виолончели. Когда юный Моцарт начал концерттировать в Вене, его первым делом представили Иосифу II.

Совсем молодым Иосиф II начал присутствовать, а затем и участвовать в заседаниях центральных правительственных учреждений, например, воссозданного в 1761 г. Государственного Совета. Так что он был в общем и целом хорошо подготовлен к государственной деятельности, которую рьяно исполнял в соответствии со своими представлениями о государе как "слуге государства". Многие в деятельности Иосифа II определялось его впечатлениями от частых поездок как по самой Империи, так и за границу⁴². Бывал он и во Франции, посещая свою сестру Марию- Антуанетту, жену французского короля Людовика XVI, где, как известно, в конце XVIII в. произошла революция, которая смела старый порядок и отправила на эшафот Людовика XVI и Марию-Антуанетту. Он много видел и примечал, стараясь своими реформами исправить положение дел и укрепить государство, вероятно, для того, чтобы избежать в будущем великих потрясений и сохранить Империю.

В 1780 г. Иосиф посетил Россию. Его путь лежал через бывшие земли Речи Посполитой, ставшие в результате первого раздела Польши владениями Российской империи. Первая встреча с Екатериной II состоялась в Могилеве. Иосиф II понравился российской императрице, хотя прусские и французские политики

считали, что императору не удастся оторвать Екатерину от союза с Пруссией. Самоуверенность, чванливость и непомерная жажда лести Екатерины, конечно, не понравились Иосифу, но Россия была нужна Иосифу II как противовес Пруссии, когда силы другого австрийского союзника, Франции, начали слабеть. Попутно с дипломатическими переговорами Иосиф с интересом изучал неведомую для него ранее страну. В письме из Смоленска, где он встретился с всесильным фаворитом Екатерины князем Г. Потемкиным и вел переговоры о заключении военно-политического союза, он писал Марии Терезии, что город и дороги отличаются большей культурой, чем в бывших восточных землях Польши⁴³.

Иосиф II был поклонником идей физиократов, отождествлявших общество с природой и считавших развитие сельского хозяйства основой общественного блага. Именно поэтому он видел в отмене крепостного права одну из главных целей своей политики. Другой - было подчинение имперской идеи австрийской государственной идее: имперской идее отводилась преимущественно "инструментальная роль", во всяком случае, в первые годы его царствования. Австрии так и не удалось вернуть большую часть захваченной Фридрихом II Силезии и, несмотря на все военные реформы, ослабить агрессивность северного соседа⁴⁴. Возможно, что это обстоятельство, с одной стороны, заставляло укреплять австрийскую армию и австрийскую государственность, а уж затем пытаться переломить соотношение сил в свою пользу.

Если в конце 70-х - начале 80-х годов XVIII в. Иосиф II искал дружбы с Россией для борьбы против Пруссии, то ранее, в 50-е годы венские политики при активном участии императрицы Марии Терезии искали дружбы с Францией. В итоге к началу Семилетней войны, к 1756 г., после более чем 250-летнего соперничества Вена и Париж пошли на сближение и повернули свое оружие в союзе с Россией против Пруссии. Французский интерес заключался в борьбе против Англии, австрийский - против Пруссии. Этот союз не был популярен во Франции, так как там хорошо помнили о постоянном прежнем соперничестве и не доверяли венскому двору. Тем не менее этот союз позволял Вене рассчитывать на сдерживание агрессивности Пруссии⁴⁵.

Перегруппировка сил на рубеже 1755 - 1756 гг., заключавшаяся в создании австро-французского союза и отказе Австрии выступить на стороне Англии в войне против Франции, Вестминстерская Конвенция между Лондоном и Берлином еще не угрожали миру в Империи, но Фридрих II своим нападением на Саксонию 29 августа 1756 г. сделал его сохранение невозмож-

ным. Центральным направлением внешней политики Австрии ввиду прусской угрозы явилось создание большой коалиции против Фридриха II. Пользуясь поддержкой английского короля Георга II, являвшегося одновременно ганноверским курфюрстом, Фридрих II пытался изобразить эту войну как борьбу протестантов под маской "защитника германской свободы" против католических великих держав, вследствие чего протестантские чины Империи не могли, конечно, желать поражения Пруссии и Ганновера (Англии). Изменившаяся после окончания

Семилетней войны обстановка в Европе означала и изменение ситуации в самой Империи. Некоторое сближение и даже совместное участие в первом разделе Польши не означали примирения Вены и Берлина. Женитьба Иосифа II в 1765 г. на баварской принцессе Марии-Йозефе должна была улучшить положение Австрии, но смерть Марии через два года спутала планы венского двора, а война за "баварское наследство" в 1778 - 1779 гг., о чем уже говорилось выше, привела к Тешенскому миру и поискам дружбы с Россией⁴⁶.

Основные принципы своей внутренней политики Иосиф II сформулировал еще 20 лет от роду и неуклонно им следовал. Он их изложил в письме Марии Терезии от 3 апреля 1761 г.: "1. Покровительствовать торговле и сельскому хозяйству; 2. Ограничить роскошь и уменьшить излишние расходы; 3. Реформировать бесполезные должности, чтобы 20 человек не делали работу, для которой хватит и восьми; 4. Не платить щедро людям за то, что они ничего не делают, и не давать компенсацию дурным должностным лицам за их отстранение от службы, потому что мой принцип состоит в том, что всякий человек должен быть использован в обществе с пользой и платить следует за заработанное; 5. Навести порядок в финансах; 6. Создать менее дорогую и хорошо управляемую военную систему; 7. Наконец, использовать все преимущества власти, которые Ваше Величество имеет под рукой"⁴⁷.

Главным врагом своих реформ Иосиф II считал аристократию и стремился подавить ее в подвластных ему землях. Но поскольку он в отличие от Фридриха II не владел искусством социальной демагогии, которая ему бы очень пригодилась, для того, чтобы обосновать необходимость проведения реформ в глазах общественного мнения и особенно в глазах потенциальных противников реформ, союзников в этом деле у него было мало. Его энтузиазм до 1780 г. сдерживался Марией Терезией, которая после смерти мужа и тяжелой болезни в 1767 г. (она болела оспой и едва не умерла) потеряла былой интерес к проведению реформ. Без формального согласия императрицы-соправительницы Иосиф ничего не мог сделать, и споры между ними перерастали в острые конфликты. Тем не менее он оставался послушным сыном. Их споры удавалось примирять не только благодаря родственной близости, но и с помощью усилий канцлера Кауница, рационалиста и сторонника реформ, тщеславного и осторожного политика. Кауниц во многом соглашался с Иосифом II, но не торопился с проведением в жизнь реформ императора. Он прекрасно видел возможные трудности в их осуществлении и старался предостеречь его от опрометчивых шагов.

Собственно, с деятельности Кауница, ведшего сложнейшую и кропотливую работу по подготовке реформ в области управления, особенно в отношениях церкви и государства, можно начинать историю явления, известного под названием "йозефинизм", то есть реформ Иосифа II. Собранные и изданные Ф. Маасом документы по истории этих реформ хорошо показывают активность Кауница в подготовке церковной реформы с целью подчинения церкви государству в австрийских владениях. Церковную реформу предполагалось провести в янсенистском духе. Для проведения реформы управления церковью Кауниц подготовил доклад, датированный 28 декабря 1768 г., согласно которому предлагалось создать комиссию из епископов с привлечением гражданских сановников с целью разработать основы этой реформы. Работа этой комиссии, имевшей консультативные функции, продолжалась до 1782 г., пока Иосиф II, не став

единоличным правителем, не взял дело церковной реформы в свои руки⁴⁸.

стр. 69

В 1781 г. Иосиф II отменил крепостное право, сначала в австрийских и чешских землях, а в 1785 г. в Венгрии. Он стремился не только к улучшению социального статуса крестьянства, но и к увеличению числа налогоплательщиков. В 1784 г. была проведена перепись населения для того, чтобы получить более широкую информацию об имуществе подданных, что встретило недовольство венгерского дворянства, поскольку в Венгрии неприкосновенность дворянского жилища гарантировалась особой статьей закона и существовал налоговый иммунитет для дворянства. Отмена крепостного права также задевала сословные привилегии венгерского дворянства, - привилегии эксплуатировать крестьян, - в результате чего в Венгрии оппозиция реформам просвещенного абсолютизма приняла в известной мере форму национального движения. Масла в огонь подлило введение немецкого языка как обязательного в делопроизводстве и в обучении⁴⁹.

Иосиф II понимал, что проводимые им реформы встретят широкое сопротивление, и поэтому решил с помощью отмены церковной цензуры склонить в свою пользу общественное мнение. Однако либерализация цензуры способствовала появлению огромного количества брошюр и листовок оппозиционного содержания, хотя, с другой стороны, стала широко распространяться грамотность. Императору так и не удалось с помощью тайной цензуры выправить положение дел, то есть создать для проведения реформ благоприятное общественное мнение и одновременно подавить критику реформ в печати.

В итоге реформы в духе просвещенного абсолютизма способствовали появлению тайной полиции, подчиненной графу Пергену, полицейского режима и полицейского государства, творцом которого стали объявлять Иосифа II. Аристократия возглавила оппозицию. Так Иосиф сам вывел двор из игры на своей стороне. Бюргерство, в котором были еще живы традиции самоуправления, боялось наступления на цеховые привилегии. Крестьяне, получившие свободу, но плохо информированные, больше доверяли своим помещикам, распространявшим всякие небылицы о планах Иосифа II, нежели официальной пропаганде, которая до них доходила редко. Либералы были настроены против полицейского режима, а консерваторы против реформ. Двойственность самого существа реформ Иосифа II, направленных на демократизацию общества, но при этом сохранявших авторитарный монархический режим, создавала эти проблемы. Сложность заключалась еще и в том, что, обладая вроде бы большими возможностями в смысле издания законов, Мария Терезия и Иосиф наталкивались на традиции и привилегии, идущие от феодального ленного права, которым пользовались дворянство и духовенство. Действия Иосифа, ломавшего без колебаний старинные привилегии, вызывали даже у Кауница и министра финансов Карла фон Цинцендорфа раздражение - они называли его на этом основании тираном. В "Политическом завещании", говоря о том, к какому типу реформаторов он хотел бы принадлежать, Иосиф так охарактеризовал результаты своих реформ: "Последние годы моей жизни должны быть ужасным уроком для всех королей". В сущности, и в сфере бюрократизации государственного управления у Иосифа II далеко не все получалось. Австрийский Тайный Совет был слабее, чем в

других немецких землях Старой империи. Вместо этого австрийские правители еще с XVII в. имели обыкновение проводить в виде закрытых конференций совещания с отдельными избранными министрами⁵⁰.

Император пытался опереться на чиновничество, обеспечив его постоянным жалованием и пенсиями, но оно оказалось неготовым поддержать своего благодетеля. Высший слой чиновничества был близок к аристократии, средние и низшие звенья чиновничьей касты были напуганы и не уверены в себе. Армия была ослаблена бесконечными войнами с турками. В итоге началось восстание в Южных Нидерландах, то есть в Бельгии, где реформы Иосифа заделали интересы практически всех слоев населения - города дали деньги дворянству для найма солдат, чиновники разбежались или вышли в отставку. Оппозиция усилила в самой Австрии нажим на правительство, в

стр. 70

результате чего Кауниц и Перген поставили перед императором вопрос о необходимости отмены реформ⁵¹.

Эти неудачи и появившиеся вследствие колоссального перенапряжения сил болезни делали Иосифа II в конце его жизни желчным и раздражительным. А ведь раньше он, несмотря на всю свою внешнюю суровость, был добросердечен, искренне сострадал бедам и несчастьям своих подданных из низших слоев населения, общался с людьми скромного происхождения. Ненавидя аристократию, он пытался ограничить ее амбиции. Но все же по большей части он был весьма требователен и строг, отличался едкостью замечаний и сарказмом, не щадил самолюбия людей, на что ему нередко указывала Мария Терезия, хорошо по своему опыту знавшая, как чувствительны люди к внешним знакам внимания, а не к делам⁵².

Армию, подобную прусской, Иосиф II все-таки не создал, хотя и пытался. Составленная из разных национальных элементов, с менее жесткой дисциплиной, чем прусская, эта армия не была столь же боеспособной, как армия Фридриха II. Интересно замечание императора по поводу высказанных в его адрес упреков министров, что он слишком подражает Фридриху II: "Министры делают мне слишком много чести, говоря, что я считаю короля Пруссии образцом для подражания; он неподражаем для честного человека, характер его, как я полагаю, никто не может превзойти". В этой фразе содержится изрядная доля иронии, ибо коварство и цинизм Фридриха в то время, действительно, были непревзойденными. О первых встречах с прусским королем в 1769 г. Иосиф II оставил довольно подробное письмо своей матери, в котором сообщал не только об ученых беседах, в частности, о Вольтере и Мопертюи, но и о том, что он попытался вызвать у Фридриха доверие, сняв все подозрения относительно замыслов венского двора в смысле расширения владений за счет Пруссии, "наконец, дав ему понять, что нашим общим желанием является мир и безразличие к его связям с Россией. Он мне сказал, что первой его целью является нейтралитет в случае войны между Англией и Францией" и т.д.⁵³.

Странно, но тогда во Фридрихе II и Иосифе II было кое-что общее, хотя Фридрих

вполне оправдывал прозвище "лиса со Шпрее" (Берлин находится на реке Шпрее. - Ю. И.), а Иосиф был слишком прямолинейным. Но оба были "слугами государства" и фанатиками "государственного интереса". Иосиф II работал, может быть, даже больше, чем прусский король, хотя бы потому, что ему надо было постоянно преодолевать сопротивление оппозиции. Император не любил двор и предпочитал проводить время в обществе "пяти княгинь", в число которых входили его родственницы, ездил в манеж посмотреть лошадей, любил театр, игру на фортепиано. Он был непохож на большинство австрийцев, любивших хорошо поесть и попить, неторопливых и не особенно прилежных в труде. Нарушив строгий этикет венского двора и сократив расходы на его содержание, император таким образом сэкономил один миллион гульденов⁵⁴.

В жизни он был не менее одинок, чем прусский король. Оба брака Иосифа II завершились печально. В возрасте 19 лет в 1760 г. он согласно желанию Марии Терезии по династическим соображениям женился на образованной и интеллигентной принцессе Изабелле Пармской, приходившейся внучкой французскому королю Людовику XV. Брак был очень счастливым, но в том же 1760 г. Изабелла умерла от оспы. Второй брак, заключенный в 1765 г. с Марией-Йозефой Виттельсбах, сестрой бездетного курфюрста Баварского Максимилиана III Иосифа, также завершился смертью жены через два года, и снова от оспы. Более Иосиф II жениться не хотел, Мария Терезия уже на этом больше не настаивала, ибо будущее династии было обеспечено многочисленными детьми ее младшего сына Леопольда. Иосиф всецело посвятил свою жизнь государству, избегая влияния женщин на него и тем более на государственные дела⁵⁵.

Характеризуя в целом внутреннюю политику Иосифа, следует подчеркнуть, что в ней удивительно сочетались развитие начального образования и

недостаток внимания к университетам, которые были лишены прежней автономии. Что касается его экономической политики, то, очевидно, она не была преимущественно протекционистской, меркантилистской или либеральной. Иосиф II не вмешивался, подобно Фридриху II, в экономические дела, стараясь, тем не менее, способствовать развитию мануфактур прежде всего в Чехии и Нижней Австрии, в том числе с помощью создания единого таможенного пространства в чешских и австрийских землях. Относительно законодательства Иосифа II можно вполне определенно сказать, что вступление в силу введенных им законов было замедлено: это касается отмены смертной казни, введения единых судов для всех сословий, установления правового паритета во всех территориях, поскольку особенности отдельных стран и земель не были учтены. Была сделана также попытка разделить управление делами юстиции по территориям, чтобы отделить юстицию от политического управления, созданы суды двух инстанций. Хотя эти реформы имели лишь частичное применение и многие из них были отменены, они опережали свое время. Это были реформы уже надвигавшегося нового XIX в., поэтому они не были поняты и не были приняты. В этом заключались трагедия самого Иосифа II и внутренняя слабость "йозефинизма". Перед кончиной самого императора реформы были свернуты, а при его преемнике Леопольде II (1790- 1792 гг.) они были

отменены. Но важно иметь в виду, что независимо от его собственных планов и желаний, Иосиф II, как и его противник Фридрих II, способствовал приближению конца Старой империи. Только в XIX в. эти незрелые и несвоевременные реформы были поняты⁵⁶.

В турецкой кампании 1788 г., проведенной в жаркой и болотистой местности, Иосиф заболел малярией, которая усугубила начавшийся у него ранее туберкулез. Он вернулся в Вену и вскоре слег. 5 февраля 1790 г. врачи сообщили монарху, что бессильны его спасти, и через 15 дней он умер. Последние дни Иосифа II были заполнены мучительной агонией человека, потратившего много сил на осуществление своих планов и не увидевшего их триумфа. Иосифа похоронили в Вене в Склепе Капуцинов без всяких украшений согласно его желанию. Рядом находится монументальная гробница его родителей в стиле Барокко, который он не любил и против которого боролся всю жизнь.

Уже началась Французская революция, затем начались наполеоновские войны, произошла ликвидация Старой империи. На пороге стоял XIX век.

Фридрих II Гогенцоллерн и Иосиф II Габсбург были реформаторами в духе идей Просвещения. Иосиф II во многом опережал свое время, тогда как Фридрих II, имея для проведения своих реформ больше времени, действовал более рационально и менее радикально. Собственно, он и оппозицию встречал менее сильную, так как положение аристократии в Австрии было более прочным, нежели в Пруссии. Фридрих стремился сделать Пруссию великой державой, а Иосиф укреплял Австрию и пытался усилить Старую империю. Симпатии читателя могут в большей степени оказаться на стороне Иосифа II, чем Фридриха II, но попытки императора укрепить Австрию любой ценой, в том числе с помощью сомнительных политических сделок, показывают, что в этом отношении он был ничуть не лучше других монархов и политиков своего времени. Одно можно сказать определенно. Реформы обоих монархов в духе просвещенного абсолютизма все же способствовали модернизации Пруссии и Австрии, построению в них основ правового государства и смягчению социальной напряженности в германских землях накануне грозных потрясений в Европе конца XVIII - начала XIX вв.

Примечания

1. ФРЕЙДЗОН В. И. Не увлекаться крайностями. - Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика. М. 1997, с. 9.

2. См. ARETIN K. O. VON. Friedrich der Große. Große und Grenzen des Preußenkönigs. Bilder und Gegenbilder. Freiburg. 1985, S. 12; GREIFFENHAGEN M. Friedrich der Große, Preußen und

S.14.

3. КОНИ Ф. Фридрих Великий. Ростов-на-Дону. 1997; МАКОЛЕЙ Т. Б. Фридрих Великий. - МАКОЛЕЙ Т. Б. Англия и Европа. СПб. 2001.

4. AUGSTEIN R. PreuBens Friedrich und die Deutschen. Frankfurt am Main. 1968; ASPREY R. Frederick the Great. The Magnificent Enigma. N.Y. 1986; DUFFY CHR. Friedrich der GroBe. Ein Soldatenleben. Zurich; Koln. 1986; KUNISCH J. Friedrich II der GroBe (1740 - 1786). -Preussens Herrscher. Von den ersten Hohenzollern bis Wilhelm II. Miinchen. 2000.

5. ARETIN K.O. VON. Nachruhm und Nachleben Friedrich II in Geschichte und Bildender Kunst.

- Friedrich der GroBe. Herrscher, S. 222.

6. SCHIEDER TH. Friedrich der GroBe. Ein Konigtum der Widerspruche. Frankfurt am Main. 1983; МАКОЛЕЙ Т. Б. ук. соч., с. 252 - 253; BAUMGART P. Kronprinzenopposition. Zum Verhaltnis Friedrichs zu seinem Vater Friedrich Wilhelm I. - Friedrich der GroBe, Franken und das Reich. Koln; Wien. 1986, S. 5 - 23.

7. ARETIN K.O. VON. Friedrich der GroBe, S. 34, 42; GREIFFENHAGEN M. Op. cit., S. 16; КОНИ Ф. ук. соч., с. 21 - 23, 50 - 53, 63.

8. DOLLINGER H. Der junge Konig: zwischen Reformvorstellungen und Machtsstreben. - Friedrich der GroBe. Herrscher, S. 72.

9. MEINECKE F. Des Kronprinzen Friedrichs Considerations sur Petat present du corps politique de l'Europe. - MEINECKE F. Brandenburg. PreuBen. Deutschland. Kleine Schriften zur Geschichte und Politik. Stuttgart. 1979, S. 175, 199.

10. ГИНЦБЕРГ Л. И. Фридрих II. - Вопросы истории, 1988, N 11, с. 99.

11. MEINECKE F. Die Idee der Staatsrason in der neueren Geschichte. Munchen. 1963, S. 398 - 400.

12. KROENER B. Armee, Krieg und Gesellschaft im friederizianischen PreuBen. - Friedrich der GroBe. Herrscher, S. 94.

13. КЛАУЗЕВИЦ К. О войне. М. б. г., с. 143, 154 - 155, 171 - 172.

14. GEMBRUCH W. Struktur des preuBischen Staates und auBenpolitische Situation zu Beginn der Herrschaft Friedrichs des GroBen. - GEMBRUCH W. Staat und Heer; ausgewählte historische Studien zum ancien regime, zur Franzosischen Revolution und zu den Befreiungskriegen. Brl. 1990, S. 187, 193, 206.

15. DUFFY CHR. Op. cit., p. 469 - 473.
16. KUNISCH J. Das Mirakel des Hauses Brandenburg. Studien zum Verhältnis von Kabinettpolitik und Kriegsführung im Zeitalter des Siebenjährigen Krieges. München; Wien. 1978, S. 57, 59 - 63; ejusd. Friedrich der Große als Feldherr. - KUNISCH J. Fürst - Gesellschaft - Krieg. Studien zur bellizistischen Disposition des absoluten Fürstenstaates. Köln; Weimar; Wien. 1992, S. 81 - 106.
17. SCHIEDER TH. Op. cit., S. 176.
18. См.: MALETTKE K. Frankreich, Deutschland und Europa im 17. und 18. Jh. Beiträge zum Einfluß französischer Theorie, Verfassung und Außenpolitik in der Frühen Neuzeit. Marburg. 1994, S. 362 - 371; ARETIN K.O. VON. Friedrich der Große, S. 8 - 9; SCHLENKE M. England und das Friederizianische Preußen 1740 - 1763. Freiburg; München. 1963.
19. MITTENZWEI I. Friedrich II von Preußen. Eine Biographie. Brl. 1984, S. 73.
20. PRESS V. Friedrich der Große als Reichspolitiker. - PRESS V. Das Alte Reich. Brl. 1997, S. 262 - 288.
21. МАКОЛЕЙ Т. Б. ук. соч., с. 258 - 259.
22. ГИНЦБЕРГ Л. И. ук. соч., с. 107; КОНИ Ф. ук. соч., с. 313 - 315.
23. DUCHHARDT H. Balance of Power und Pentarchie. Internationale Beziehungen 1700 - 1785. Paderborn; München; Wien; Zürich. 1997, S. 368 - 369.
24. Politische Testamente und andere Quellen zum Fürstenethos der Frühen Neuzeit. Darmstadt. 1987, S. 241, 244, 246.
25. ДУХХАРДТ Х. Россия в представлении Фридриха Великого. - Россия, Польша, Германия в европейской и мировой политике XVI-XX вв. М. 2002, с. 125 - 138.
26. Politische Testamente, S. 247 - 248, 254 - 256, 258.
27. См.: Польша и Европа в XVIII в. Международные и внутренние факторы разделов Речи Посполитой. М. 1999, с. 153 - 155.
28. См.: Россия, Польша, Германия, с. 169 - 189.
29. BLASTENFREI P. Der König und das Geld. Studien zur Finanzpolitik Friedrich II von Preußen.
- Forschungen zur Brandenburgischen und Preussischen Geschichte. Bd. 6. Brl. (1996), S.

55 - 57, 60 - 61, 64 - 65, 80 - 82.

30. МАКОЛЕЙ Т. Б. ук. соч., с. 270; ГИНЦБЕРГ Л. И. ук. соч., с. 111.

31. ARETIN K.O. VON. Friedrich der Große, S. 108 - 110, 114; KROENER B. Op. cit., S.93; VIERHAUS R. Friedrich II als Staatsmann und Monarch des aufgeklärten Absolutismus. - Friedrich der Große. Herrscher, S. 138.

32. VIERHAUS R. Op. cit., S. 168.

33. Politische Testamente, S. 187 - 189.

стр. 73

34. VIERHAUS R. Op. cit., S. 124; ARETIN K.O. VON. Nachruhm und Nachleben Friedrich II. - Friedrich der Große. Herrscher, S. 220.

35. DICKSON P. Joseph II's reshaping of the Austrian Church. - The Historical Journal, Vol. 36, 1, March 1993.

36. МИТРОФАНОВ П. Политическая деятельность Иосифа II, ее сторонники и ее враги (1780- 1790). СПб. 1907, с. 122; ARETIN K.O. VON. Das Alte Reich. Bd. 3. Das Reich und der osterreichisch-preussische Dualismus (1745 - 1806). Stuttgart. 1997, S. 210 - 211.

37. МИТРОФАНОВ П. ук. соч., с. 93, 122, 131; ARETIN K.O. VON. Das Alte Reich. Bd. 3, S. 122 - 123.

38. См. ХАВАНОВА О.В. Истоки венгерского национализма в политической культуре XVIII в. - Вопросы истории, 1998, N 6; ее же. Просвещенные монархи Екатерина II и Иосиф II: опыт сопоставления. - Век Екатерины II: Россия и Балканы. М. 1998; ее же. Нация, отечество, патриотизм в венгерской политической культуре: движение 1790 г. М. 2000, с. 91-111, 128 - 140; BLANNING T. Joseph II and Enlightened Despotism. Lnd. 1970, p. 19 - 20, 111, 112, 116; EVANS R. Joseph II and nationality in the Habsburg lands. - Enlightened Absolutism. Reform and reformers in later Eighteenth Century Europe. Lnd. 1990; BALAZS E. Hungary and the Habsburgs 1765 - 1800. An Experiment in Enlightened Absolutism. Budapest, 1997, p. 212 etc.

39. Maria Theresia und Joseph II. Ihre Correpondenz. Bd. 1. Wien. 1867, S. 157 - 158.

40. PRESS V. Kaiser Joseph II - Reformer oder Despot? - Europäische Herrscher. Ihre Rolle bei der Gestaltung von Politik und Gesellschaft vom 16. bis zum 18. Jahrhundert. Weimar. 1988, S. 277- 278, 285, 288, 298.

41. См.: TAPIE V. -L. L'Europe de Marie-Therese. Du baroque aux lumieres. P. 1973;

МИТРОФАНОВ П. ук. соч., с. 182, 388, 403, 577 - 583, 770.

42. Там же, с. 80 - 83; БАУМГАРТ П. Иосиф II и Мария Терезия (1765 - 1790). - ШИНДЛИНГ А., ЦИГЛЕР В. Кайзеры. Священная Римская империя, Австрия, Германия. Ростов-на-Дону. 1997, с. 303 - 305.

43. МИТРОФАНОВ П. ук. соч., с. 143 - 144; Maria Theresia und Joseph U. Ihre Correspondenz. Bd. 3, S. 256.

44. БАУМГАРТ П. ук. соч., с. 300, 303.

45. МИТРОФАНОВ П. ук. соч., с. 123 - 126; ARETIN K.O. VON. Das Alte Reich. Bd. 3, S. 122; SCHILLING L. Kaunitz und das Renversement des Alliances. Studien zur aussenpolitischen Konzeption Wenzel Antons von Kaunitz. Brl. 1994, S. 14 - 15, 380.

46. ARETIN K.O. VON. Das Alte Reich. Bd. 3, S. 87 - 88, 98, 100, 102 - 103, 113 - 119.

47. Maria Theresia und Joseph II. Ihre Correspondenz. Bd. 1, S. 4 - 5.

48. МААБ F. Der Josephinismus. Quellen zu seiner Geschichte in Osterreich 1760 - 1790. Amtliche Dokumente aus dem Wiener Haus-, Hof- und Staatsarchiv. Bd. Li760 - 1769. Wien. 1951, S. 201, 230 - 231, 254 - 255, 258 - 261, 332 - 337, 348 - 349; ejusd. Fruhjosephinismus. Wien; Munchen. 1969; SZABO F. Furst Kaunitz und die Anfange des Josephinismus. - Osterreich im Europa der AufkJarung. Bd. I. Wien. 1985, S. 525 - 545; БАУМГАРТ П. ук. соч., с. 301 - 303.

49. ХАВАНОВА О.В. Нация, отечество, патриотизм, с. 116 - 119.

50. LIEBEL-WECKOWICZ H. Auf der Suche nach neuer Autoritat: Raison d'Etat in den Verwaltungs-und Rechtsreformen Maria Theresias und Josephs II. - Osterreich in Europa, Bd. I, S. 339 - 340, 343.

51. МИТРОФАНОВ П. ук. соч., с. 770 - 774; НАМАЗОВА А. С. Брабантская революция. -Новая и новейшая история, 2001, N 6.

52. МИТРОФАНОВ П. ук. соч., с. 95 - 98.

53. Maria Theresia und Joseph II. Ihre Correspondenz. Bd. 1, S. 187; Bd. 2, S. 310 - 311.

54. МИТРОФАНОВ П. ук. соч., с. 94 - 95.

55. БАУМГАРТ П. ук. соч., с. 306.

56. БАУМГАРТ П. ук. соч., с. 327 - 328, 330 - 331; LIEBEL-WECKOWICZ H. Op. cit., S. 362 - 363; GONDA L, NIEDERHAUSER E. Die Habsburger. Ein europaisches

Phanomen. Budapest. 1978, S. 156 - 157.

стр. 74